

Онегин

Евгений Онегин — заглавный герой пушкинского романа в стихах, действие которого разворачивается в России от зимы 1819 до весны 1825. Введен в сюжет сразу, без предисловий и прологов.

Онегин (гл. 1) едет в деревню к занемогшему дяде, чтобы застать его уже умершим, вступить в наследство, два дня понаслаждаться деревенским покоем, а затем вновь впасть в излюбленное состояние разочарованного денди — хандру. Скуку не способны развеять даже хозяйственные эксперименты в духе времени (замена барщины оброком); одиночество скрашивает только дружба с соседом Владимиром Ленским, молодым поэтом и свободолюбцем, только что вернувшимся из Геттингенского университета. Онегин старше на восемь лет (родился в 1795 или 1796); в отличие от Ленского — изначально разочарован, но не спешит разочаровать Владимира, влюбившегося в соседку, Ольгу Ларину (гл. 2). Ленский и вводит Онегина в дом Лариных; сестра Ольги, Татьяна, влюбляется в Евгения и отправляет ему любовное письмо, «скроенное» по лекалу любовного романа — и притом предельно искреннее (гл. 3). Онегин тронут, но отказывается поддержать «романную» игру. Он поступает как благородный (само имя «Евгений» и значит «благородный») светский человек; выдержав паузу, является в дом Лариных и в саду объясняется с неопытной девушкой. Его исповедь, перерастающая в проповедь, по-отечески тепла, но по-отечески же и нравоучительна; он готов любить Татьяну «любовью брата» и даже чуть сильнее, — но не более того (гл. 4).

Наметившийся любовный сюжет кажется развязанным; Онегин продолжает жить анахоретом, подражая Байрону, плавает в ледяной реке, принимает ванну со льдом; сам с собою играет в бильярд «в два шара», — пока не получает через Ленского приглашение пожаловать на именины Татьяны, 12 января 1821 года (гл. 5). Здесь, раздраженный полубомороком Татьяны (он продолжает «читать» ее поведение сквозь романную призму и не верит в непосредственность порыва), Онегин решает подразнить Ленского, дважды приглашает Ольгу (которая через две недели должна выйти за Владимира замуж!), затем танцует с ней мазурку, сочиняет ей мадригал, добивается согласия на котильон, — чем вызывает бешеную ревность Ленского (гл. 5). Наутро через соседа-дуэлянта Зарецкого (типичная литературная фамилия бретера) получает от Ленского вызов на дуэль. Отвечает — в соответствии с дуэльным кодексом — безусловным согласием; потом жалеет, но поздно: «дико светская вражда / Бойтся ложного стыда». Чуть не проспав и прихватив вместо секунданта слугу-француза Гильо (имя совпадает с началом имени изобретателя гильотины), Онегин является в рошу; начав с 34 шагов, дуэлянты сходятся; Онегин стреляет первым — Ленский убит (гл. 6). Онегин вынужден уехать в Петербург; так, едва завязавшись, обрывается и нить сюжета светской повести.

Зато любовный сюжет, после ложной развязки 4-й главы, получает неожиданное продолжение, в конце концов восстанавливая и жанровые «декорации» светской повести. После длительного путешествия по России (с июля 1821 по август 1824; Москва, Нижний Новгород, Астрахань, Кавказ, Таврида [Крым], Одесса; о маршруте читатель узнает позже, из Отрывков из Путешествия Онегина, публикуемых в виде «приложения» пропущенной главы к основному тексту романа). Двадцатишестилетний Онегин на светском рауте встречает Татьяну, вышедшую замуж за «важного» генерала и ставшую княгиней. Он потрясен переменой; влюблен без ума; зеркально повторяя сюжетный «ход» самой Татьяны, отправляет ей письмо, другое, третье и не получает ответа — лишь гнев в ее глазах и «крещенский холод» при встрече в «одном собрании». Потеряв голову, Онегин едет к Татьяне без предупреждения; застаёт ее за чтением своего письма; выслушивает

слезную проповедь («Я вас люблю <...> Но я другому отдана / И буду век ему верна»); остается стоять «Как будто громом пораженный», — и в этот момент раздается «незапный звон шпор» Татьянинного мужа. Кульминация заменяет развязку; финал остается открытым; читатель расстается с героем на крутом переломе его судьбы (гл. 8).

Дав герою имя «Евгений» и фамилию «Онегин», Пушкин сразу вывел его за пределы реального, жизненного пространства. Со времен Кантемира (вторая сатира) имя «Евгений» сатирически связывалось с литературным образом молодого дворянина, «пользующегося привилегиями предков, но не имеющего их заслуг». (Ср. образ Евгения Негодяева в романе А. Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества», 1801.) Фамилия «Онегин» — равно как «Ленский» — подчеркнута «вымышленная»; дворянин мог носить топонимическую (реже — гидронимическую) фамилию только в том случае, если топоним указывал на его родовое владение, а крупные реки не могли полностью протекать в пределах родовых вотчин. (По той же модели, восходящей к опыту русской комедии XIX века, но с оглядкой именно на Пушкина, будут построены фамилии Печорин у Лермонтова, Волгин у Бестужева (Марлинского) и др.) Едва дав герою «литературное» прозвание, Пушкин тут же соотнес его с живыми людьми 1820-х; Онегин знаком с Кавелиным, он «второй Чедаев»; на дружеской ноге и с автором романа (хотя образ автора, в свою очередь, лишь условно совпадает с личностью Пушкина). Но, связав Онегина с живой жизнью, Пушкин отказался проводить параллели между его судьбой и судьбами реальных людей, «прототипов» (хотя впоследствии предпринимались попытки указать в этой связи на А.Н. Раевского, саркастического знакомого Пушкина периода южной ссылки и др.). «Второй Чедаев» отражен в многочисленных литературных зеркалах, подчас взаимоисключающих. Евгений связывается то с авантурным героем романа Ч. Метьюрина «Мельмот-скиталец» (также начинающегося поездкой Мельмота к больному дяде). То с разочарованным Чайльд-Гарольдом Дж. Г. Байрона. То с Грандисоном (таким видит его Татьяна; автор с ней не согласен). То с Чацким из «Горя от ума». То с Ловласом. В подтексте — с Паоло, возлюбленным Франчески из «Божественной комедии» Данте. То с «пиитом» из стихотворения «Богине Невы» М. Муравьева. Так достигается замечательный оптический эффект; образ героя свободно перемещается из жизненного пространства в литературное и обратно; он ускользает от однозначных характеристик.

Во многом это объясняется и подвижностью авторского отношения к герою. Оно меняется не только от главы к главе (роман печатался отдельными выпусками по мере написания; замысел менялся по ходу работы), но и в пределах одной главы. Судя по первой из них, в Онегине должен был узнаваться тип современного Пушкину (практически одно поколение!) петербуржца, получившего домашнее «французское» воспитание, поверхностно образованного (латынь, чтоб «эпиграфы разбирать»; анекдоты — то есть забавные случаи — из мировой истории; неумение отличить «ямба от хорая»), зато постигшего «науку страсти нежной». Онегин сначала «жить торопится и чувствовать спешит». (Распорядок его дня в 1-й главе полностью соответствует традиции светского времяпрепровождения: позднее, за полдень, пробуждение, занятия в «модном кабинете», прогулка по бульвару, дружеский ужин, театр, бал.) Затем он разочаровывается во всем и охладевает душой; попытки заняться писательством ни к чему не приводят. Онегина охватывает модная английская болезнь — сплин, «русская хандра». В начале 1-й главы автор готов сблизить онегинскую разочарованность с разочарованностью оппозиционной молодежи из круга преддекабристского «Союза благоденствия». (Евгений читает Адама Смита; его равнодушие к поэзии уравновешено вниманием к политической экономии; его модный туалет, франтовство и повесничанье по-чадаевски отдают фрондерством.) Но к концу главы психологические мотивировки образа меняются; разочаровавшись в наслаждениях света, Онегин не становится «серьезным» бунтарем; причина его томления — душевная пустота; его внешний блеск указывает на внутренний холод; его язвительные

речи свидетельствуют не столько о критическом взгляде на современный мир, сколько о презрительности и высокомерии. «Байронический» тип поведения лишается романтического ореола. Автор, поспешивший записать Онегина в свои приятели, постепенно дистанцируется от него, чтобы в конце концов признаться: «Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной».

Мало того, «серьезная» точка зрения на Онегина как на оппозиционера передоверена глуповатым провинциальным помещикам, его соседям по дядиному имению (где-то на северо-западе России, в семи днях езды «на своих» из Москвы, то есть в глуши, подобной Михайловскому). Только они способны считать Онегина «опаснейшим» чудаком и даже фармазоном. Автор (и читатель) смотрят на него иным, все более трезвым взглядом. Что, однако, в той же мере отдаляет автора от Онегина — в какой и заново сближает его с подчеркнуто-трезвым героем, но на ином уровне.

Постепенно к этому взгляду должна прийти и Татьяна, которая (будучи, как всякая уездная барышня, читательницей романов) сама, с помощью своего воображения, привносит в равнодушный облик Онегина — облик «модного тирана», по характеристике автора, — таинственно-романтические черты. То он ей кажется спасителем Грандисоном, то искусителем Ловласом; то демоническим разбойником, главарем разбойной шайки, балладным злодеем (таким он входит в ее сон). Именно в такого, литературного Онегина влюбляется она без памяти; именно такому, литературному Онегину адресует свое любовное письмо, ожидая от него литературной же реакции. («Спасительной» или «искусительной» — это уж как получится.) Онегин, однако, хотя и тронут письмом, действует как хорошо воспитанный светский человек — и только; это Татьяну устроить никак не может. Однако Онегин не в состоянии измениться. Как светский человек, он дразнит Ленского мнимым увлечением Ольгой; как светский человек, холодно принимает вызов (притом что смертельную обиду другу нанести совсем не хотел и драться с ним не желает); как светский человек, убивает своего приятеля-антипода. Не из жестокости (над мертвым Ленским он стоит «в тоске сердечных угрызений»), а по обстоятельствам. И когда, после отъезда Онегина в Петербург, Татьяна попадает в деревенский кабинет, всматривается в детали (груды книг, портрет лорда Байрона, столбик с чугунной куклой Наполеона), пытается его глазами читать романы — скорее всего, «Рене» Шатобриана и «Адольфа» Б. Констана, — следя за резкими отметками холеного онегинского ногтя на полях, то ее точка зрения на Онегина сближается с авторской. Он не «созданье ада иль небес», а, может статься, всего лишь пародия на свою эпоху и свою среду.

Герой, презирающий мир за его пошлость, противопоставляющий свое поведение старомодной норме, вдруг оказывается предельно несамостоятельным; и то, что приговор вынесен Татьяной, по-прежнему любящей Онегина, — особенно страшно.

В таком эмоциональном «ореоле» герой появляется перед читателем и в 8-й главе. (Промежуточное звено онегинской судьбы, способное вновь резко осложнить его образ, — Отрывки из Путешествия — пропущено, перенесено в конец романа.) Теперь уже не автор, не Татьяна, но пушкинская Муза пытается разгадать загадку Онегина — сплин или «страждущая спесь» в его лице? Какую маску он носит теперь? Мельмота? Космополита? Патриота? Но в том и дело, что психологическому портрету героя предстоит претерпеть еще одну существенную перемену.

Встреча с Татьяной заставляет что-то шевельнуться в глубине «души холодной и ленивой»; эпитет, который однажды уже был закреплен за поэтичным Ленским, в начале 8-й главы как бы ненароком применен к Онегину («безмолвный и туманный»). И эта «переадресовка» эпитета оказывается неслучайной и вполне уместной. Продолжая зависеть от «законов света» (любовь к Татьяне тем сильнее, чем слаще запретный плод и чем неприступней молодая княгиня), Онегин тем не менее открывает в своей душе способность любить искренне и вдохновенно — «как дитя». Письмо (которое он пишет по-русски в отличие от Татьяны, писавшей по-французски) одновременно и светски-

куртуазное, дерзко адресованное замужней женщине, и предельно сердечное. (Недаром Пушкин вводит в это письмо парафраз своего собственного стихотворения 1830 о покое, счастье и воле «На свете счастья нет...».)

И когда, не получив ответа, Онегин в отчаянье принимается читать без разбора, а затем пробует сочинять, — это не просто повтор эпизодов его биографии, о которых читатель знает из 1-й главы. Тогда (равно как в деревенском кабинете) он читал «по обязанности» — то, что на слуху, подражая духу времени. Теперь он читает Руссо, Гиббона и других авторов, чтобы забыться в страдании. Причем читает «духовными глазами / Другие строки». Тогда он пробовал писать от скуки, теперь — от страсти, и как никогда близок к тому, чтобы действительно стать поэтом, подобно Ленскому или даже самому автору. И последний поступок Онегина, о котором читатель узнает, — незванный визит к Татьяне, посещение ее комнаты без предупреждения — столь же неприличен, сколь и горяч, откровенен.

Пустота начала заполняться, — не поверхностным свободомыслием, не поверхностной же философией, но непосредственным чувством, жизнью сердца. Именно в этот миг Онегину суждено пережить одно из самых горьких потрясений своей жизни, — окончательный и бесповоротный отказ Татьяны, которая преподает тайно любимому ею Евгению нравственный урок верности и самоотверженной силы страдания. Этот отказ перечеркивает все надежды Онегина на счастье (хотя бы и незаконное!), но производит в нем такой переворот чувств и мыслей, который едва ли не важнее счастья, едва ли не дороже его.

Финал романа принципиально открыт и оставляет образ героя недовершенным. Онегин замирает на границе, где завершается замкнутое романное пространство и начинается пространство самой жизни. Восприятие онегинского образа оказалось поэтому необычайно противоречивым, — как восприятие живого, постоянно меняющегося человека.

В процессе публикации романа отдельными главами менялось отношение к образу Онегина у писателей декабристского круга; ожидание того, что Пушкин «выведет» второго Чацкого, контрастно противопоставленного свету и обличающему общество (А. Бестужев) не оправдались; «франт», поставленный в центр большого романа, казался фигурой неуместной; близкой точки зрения на Онегина придерживался К. Рылеев. Молодой И. Киреевский, еще не ставший славянофилом, но имеющий внутреннюю склонность к почвенничеству, определил Онегина как пустоту, у которой нет определенной физиономии («Нечто о характере поэзии Пушкина», 1828). В более поздней (1844–1845) оценке В. Белинского Онегин — эпохальный тип, в котором отразилась российская действительность; «эгоист поневоле», трагически зависимый от «среды». Как тип «лишнего человека» воспринимала Онегина не только «натуральная школа», но и писатели поколения М. Лермонтова (типологическое родство Печорина с Онегиным). В позднейшей «Пушкинской речи» Ф. Достоевского (1880) Онегин был полемически определен как тип европейского «гордеца», которому противостоит образ русской смиренницы Татьяны Лариной; тема «наполеонизма» Онегина, кратко намеченная Пушкиным, разрастается здесь до общеполитического масштаба.